

Ольга Великанова

КОНСТИТУЦИЯ 1936 ГОДА

библиотека
журнала

АНТРОПОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный
запас

и массовая
политическая
культура
сталинизма

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Ольга Великанова

**Конституция 1936 года и массовая
политическая культура сталинизма**

«НЛО»

2018

УДК 342.4(47+57)"1936"
ББК 67.400.11-1(2)614

Великанова О.

Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма / О. Великанова — «НЛО», 2018 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-44-481441-3

Зачем Сталину на пике его диктатуры в 1936 году понадобилось ввести новую демократическую конституцию? Зачем столько мобилизационных усилий было затрачено на ее всенародное обсуждение в течение шести месяцев? Наконец, почему принятие конституции в декабре 1936 года неожиданно обернулось поворотом к массовым репрессиям 1937–1938 годов? Книга историка Ольги Великановой освещает как политические условия введения демократических свобод сверху, так и реакции людей на обещанный поворот к умеренности, либерализму и инклюзивной выборной реформе. Анализ общественного мнения во время обсуждения основного закона, подкрепленный свидетельствами из дневников, частных писем, мемуаров, а также материалами зарубежных разведок, позволил автору сделать новаторские выводы о политической культуре советских людей тридцатых годов. Кроме того, донесения парткомов и НКВД с мест о противоречивых откликах на конституцию, предупреждения о многочисленных врагах, широкое недовольство, выплеснувшееся в дискуссии, могли, по мысли автора, убедить Сталина в необходимости окончательной чистки общества от «антисоветских элементов». Ольга Великанова – профессор русской истории в Университете Северного Техаса (США), автор пяти монографий об общественном мнении в СССР.

УДК 342.4(47+57)"1936"
ББК 67.400.11-1(2)614

ISBN 978-5-44-481441-3

© Великанова О., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	17
Часть I	24
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Великанова
Конституция 1936 года и массовая
политическая культура сталинизма

Майе и Нилу

First published in English under the title Mass Political Culture Under Stalinism; Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936 by Olga Velikanova, edition 1

Copyright © Olga Velikanova, 2018

This edition has been translated and published under license from Springer Nature Switzerland AG.

Springer Nature Switzerland AG takes no responsibility and shall not be made liable for the accuracy of the translation

От автора

Во время многолетней работы над книгой я получала очень важную поддержку от моих друзей и коллег. Я благодарна архивистам Н. И. Абдулаевой в ГАРФе, И. Н. Селезневой и Г. В. Горской в РГАСПИ, Г. И. Лисовской в ЦГАИПД в Санкт-Петербурге, которые помогали мне в поиске материалов в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Университет Северного Техаса, его исторический факультет и мои коллеги постоянно поддерживали мои исследования, предоставив несколько исследовательских грантов и отпуск для работы в архивах. Я сердечно благодарю коллег за то, что они сделали исторический факультет таким прекрасным местом для работы.

Я благодарна Институту Европейского Университета во Флоренции (Италия), который предоставил мне самые благоприятные условия для написания рукописи. Дискуссии со студентами и коллегами, особенно с Александром Эткингом и Стивеном Смитом, помогли мне выработать аналитический подход к собранным материалам. Я никогда не работала так продуктивно, как в своем кабинете – в бывшей келье средневекового монастыря с видом на холмы Тосканы, которые вдохновляли меня при осмыслении материала и написании первых глав.

Мои размышления о политической культуре советского общества получили дополнительный импульс в беседах и интервью с историками Арсением Рогинским (общество «Мемориал», Москва) и Анатолием Разумовым (центр «Возвращенные имена», Санкт-Петербург). Для меня была большой честью возможность обсуждать самые разные вопросы политики и культуры с Сергеем Адамовичем Ковалевым – первым омбудсменом Российской Федерации и одним из авторов статьи о правах и свободах человека и гражданина в Конституции Российской Федерации. Я представляла некоторые темы этой книги на различных международных конференциях, таких как Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (США); Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований (Кембридж, Великобритания); 24-я Международная конференция европеистов (Глазго); международные конференции Алексантери института (Хельсинки) и в нескольких университетах. Беседы и дискуссии с моими коллегами Кириллом Александровым, Клейтоном Блэком, Арчем Гетти, Ларсом Ли, Александром Лившиным, Самантой Лом, Игорем Орловым, Ричардом Саквой, Льюисом Сигельбаумом, Бенно Эннкер, Екатериной Шульман о различных аспектах исследования были крайне полезны и вдохновляющи. Я благодарна анонимным рецензентам, прочитавшим рукопись, за их ценные предложения и критические замечания.

Я хочу выразить также теплую благодарность тем, кто оказал мне дружескую или профессиональную помощь в различные моменты моей работы над книгой, особенно Людмиле Диллон и моему мужу, историку Михаилу Яковлеву, с которым я обсуждала все детали и аргументы исследования и который был первым читателем рукописи. Редакторы издательства были полны терпения и готовы помочь в любой момент.

Эта книга была бы невозможна без поддержки и интеллектуального импульса со стороны этих замечательных людей и институтов.

Автор и издатели благодарят Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов Санкт-Петербурга и Библиотеку Конгресса США за разрешение на воспроизведение архивных фотографий.

Глава 1

Введение

Когда в 1991 году Советский Союз неожиданно распался, весь мир внимательно наблюдал за происходящим, пытаясь угадать, что будет дальше. И внутри страны, и за пределами бывшего СССР многие надеялись, что после десятилетий истощавшего страну социализма вновь созданные государства устремятся к подлинной демократии и свободному рынку. Опросы, проведенные на территории России на заре постсоветской эпохи, давали социологам основания для оптимистичных прогнозов¹. В последовавший затем бурный переходный период неоднозначное отношение бывших советских «подданных, вдруг превратившихся в граждан», к политике и выборам вызвало недоумение у наблюдателей и спровоцировало дискуссию о политических и культурных традициях нации и мере освоения ею демократической политической культуры. В 2000-е годы российские граждане выражали горячее одобрение действий своего президента, Владимира Путина, который, хотя и ассоциировался с экономическим ростом страны, проводил все более авторитарную политику, подавляя свободные СМИ и подчиняя себе судебную систему. К разочарованию российских либералов, высокий рейтинг этого бывшего офицера КГБ и его неоднократное переизбрание на пост главы государства указывали на политическую культуру, далекую от идеалов либеральной демократии. Согласно опросам, проведенным исследовательским проектом *New Russia Barometer* («Барометр новой России»), поддержка правящего режима выросла с 36–39 процентов в 1990-е годы до 84 процентов в 2000-е годы, отражая экономический рост, стремление к стабильности и, возможно, согласие с авторитарными тенденциями в политике².

Постепенно стало ясно, что эти противоречивые трансформации – не уникальное российское явление: аналогичные процессы наблюдались и в других странах. Перемены, происшедшие в последние десятилетия XX века, открыли дорогу для демократизации, но развитие многих стран, где были заявлены демократические реформы, на практике явно не вписывалось в западную либеральную модель. И так произошло не только с большинством новых независимых государств постсоветского пространства: Российской Федерацией, Украиной, Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Азербайджаном, Узбекистаном и Грузией. Многие другие развивающиеся страны – Венесуэла, Пакистан и большинство государств Африки – превратились в мнимые демократии, где выборы (краеугольный камень демократии) имеют место, но конституционные свободы, которые превозносятся в теории, в реальности попираются. Фарид Закария назвал этот феномен «нелиберальной демократией»; другие определяли его как «номинальный» конституционализм, «управляемую» демократию или состязательный авторитаризм. Да, выборы происходят, но население слишком часто голосует за антилиберальный курс и авторитарных политиков, формирующих режим со слабой законодательной и судебной властью, который постепенно мутирует в диктатуру. Этот тревожный процесс вновь вызвал интерес к вопросу, что определяет поведение граждан и их поддержку авторитарных или нелиберальных режимов.

В различных обстоятельствах человеческое поведение и направление социальных преобразований определяются множеством взаимосвязанных факторов: экономических (как на индивидуальном, так и системном уровне), политических, культурных и демографических

---

¹ *Reisinger W. M. Conclusions: Mass Public Opinion and the Study of Post-Soviet Societies // Public Opinion and Regime Change: The New Politics of Post-Soviet Societies / Ed. by A. H. Miller, W. M. Reisinger, and V. L. Hesli. Boulder, CO: Westview, 1993. P. 274; Shlapentokh V. Russian Citizenship: Behavior, Attitudes and Prospects for a Russian Democracy // Citizenship and Citizenship Education in a Changing World / Ed. by Orit Ichilov. London: Woburn, 1998. P. 28–52.*

² *Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 77.*

(«молодежный навес»)³. Люсьен Пай, сторонник теории модернизации, отмечал ее раскрепощающее влияние (результат урбанизации, роста образования и мобильности, развития технологий) как дополнительный фактор, определяющий траекторию перемен на фоне авторитарного режима⁴. Другие исследователи указывали на то, что скорость, с какой в России произошла модернизация, и катастрофические события XX столетия могли создать неблагоприятные условия для выбора в пользу демократии. Все русские революции – 1905, 1917 и 1991 годов – совершались во имя модернизации и демократии, но складывающиеся в результате режимы упорно тяготели к авторитаризму. Поэтому ученым и образованной публике остается лишь размышлять, существуют ли в России культурные условия для успешной демократизации или ей внутренне присуща склонность к авторитарному режиму. Можно ли сказать, что российская политическая культура по сути своей невосприимчива к демократическим институтам? Или же советский проект модернизации, даже в его авторитарной форме, не мог не создать условий для демократизации и плюрализма, которые воздействуют и на настроения общества? Приводимый в этой книге исторический анализ мнений советских людей в 1930-е годы, которые характеризуют массовую политическую культуру того времени, призван помочь найти ответы на эти вопросы.

Понятие политической культуры служит здесь инструментом для объяснения политического поведения масс. «Международная энциклопедия социальных наук» определяет политическую культуру как «совокупность мнений, убеждений и настроений, которые придают смысл *политическому* процессу, и формируют предпосылки и правила, обуславливающие поведение в политической системе». О политической культуре партийной элиты, в особенности Сталина, написано немало, прежде всего потому, что подобные исследования имеют практическое применение в международных отношениях и дипломатии, а используемые источники легко доступны (например, публичные заявления)⁵. Обычно считается, что культура партийной элиты уходила корнями в опыт ее подпольной деятельности и гражданской войны с такими присущими ей чертами, как черно-белая картина мира, догматизм и стремление принимать желаемое за действительное, воинственность и отказ от компромиссов, – это была культура, подточенная страхом и подозрительностью, когда постоянно мерещились внутренние и внешние заговоры и враги⁶. Теперь же благодаря доступности корпуса новых источников стало возможным изучение *массовой* политической культуры сталинизма – не столько на уровне обобщений, а как конкретной системы взглядов, относящихся к конкретному временному периоду и нашедших отражение в документальных свидетельствах.

Интерес к умонастроениям и политическим предпочтениям советских граждан и предполагаемым трудностям перехода к демократии зародился в 1970-е годы и по понятным причинам возрос в 1990-е. Но этот интерес едва ли можно назвать новым. Маргарет Мид, например, изучала мировоззрение советских граждан в 1950-е годы, опираясь на методы антропологии, и пришла к выводу, что оно соответствует авторитарному строю. С момента выхода ее работы историки разделились на два основных лагеря. Одни полагают, что российская политическая культура в значительной мере тяготеет к авторитаризму и плохо подготовлена к развитию по демократической и либеральной модели, потому что исторические обстоятельства не дали возможности народу полюбить свободу, коллективное в России принято ставить выше личного, а

³ Согласно советской статистике, в 1936 году 46 процентов населения были моложе 21 года. В соответствии с концепцией «молодежного навеса», этот демографический фактор, наряду с массовой миграцией населения в города, мог способствовать усилению радикальных настроений в обществе.

⁴ Sakwa R. Russian Politics and Society. London: Routledge, 2008. P. 456.

⁵ Среди множества работ см., например: Tucker R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change. London: George Allen and Unwin, 1972; van Ree E. The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. London: Routledge, 2002.

⁶ Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, CT: Yale University Press, 1999. P. 15–24.

к частной собственности относятся неприязненно⁷. Сосредоточившись в основном на политической культуре элиты и правительства, эти сторонники исторического и культурного детерминизма подчеркивали предрасположенность россиян к авторитарному режиму, хотя иногда подобную позицию можно было назвать политически предвзятой.

Приверженцы другой точки зрения указывают на многогранность русской национальной традиции, потенциальную открытость культурной сферы различным влияниям, развенчивая теорию о предопределенности авторитаризма. Ричард Саква, Николай Петро и Джеймс Миллар⁸ полагают, что модернизация сама по себе естественно порождает новые силы и новые настроения, иногда даже в вымирающих социальных слоях, таких как дворянство или крестьянство. Общества развиваются, хотя и неравномерно и с разной скоростью. Даже в реакционные и застойные периоды существует демократический потенциал, как это было, например, в 1840-е годы – «замечательное десятилетие», когда, несмотря на полицейский режим Николая I, возникла русская интеллигенция. Достигнув своего пика в начале XX столетия, неофициальная гражданская культура продолжала жить даже в СССР, выражаясь в сопротивлении режиму, диссидентском движении, религиозном противостоянии, самиздате (нелегальном издании и распространении запрещенной литературы), субкультуре слухов и анекдотов, полуподпольной благотворительности, авторской песне и туристском движении 1970-х годов.

Исследователи указывают на проблему, нередко возникающую при изучении политической культуры, когда из прошлого и культуры отбираются произвольные факты, чтобы прийти к заранее заданным выводам, а специфика конкретного исторического периода игнорируется. Цель данного исследования советской политической культуры – методически проанализировать корпус архивных источников, которые никогда ранее не рассматривались сквозь призму политической культуры, и поместить высказывания и мнения обычных людей о конституции в политический, экономический, культурный и социальный контекст 1930-х годов. Массовую политическую культуру 1930-х годов теперь можно рассматривать с опорой на документальные источники на новом уровне исторического, культурного и методологического знания.

Авторы исследований, посвященных русско-советскому обществу в конкретные периоды его истории, например, в начале (Файджес и Колоницкий) и в конце (Роуз, Лукин) советской эры, отмечали слабый потенциал для либеральной демократии в политической культуре. Медушевский и Левин придерживаются такой же точки зрения в отношении сталинской эпохи.

Орландо Файджес и Борис Колоницкий, проанализировав политическую символику и риторику рабочих и крестьян в 1917 году, пришли к выводу, что «для либерального понимания демократии в России не была по-настоящему подготовлена культурная или социальная почва, по крайней мере – не в разгар революции». Если либерально настроенная интеллигенция, говоря о демократии, подразумевала конституцию, парламент и власть закона, рабочие и городские обыватели видели в ней скорее синоним власти простого народа. Во время споров в обществе о демократии в 1917 году, в противовес интеграционному смыслу демократии для либералов, массы скорее видели в ней идею исключения – идею классовой борьбы. Авторы полагают, что дискурс исключения и противостояния в обществе, который они исследовали в революционном 1917 году, глубоко укоренен в русской культуре⁹.

⁷ Biryukov N., Sergeev V. *Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism, and Traditional Culture*. Aldershot, UK: Edward Elgar, 1993; Brown A. *Ideology and Political Culture // Politics, Society, and Nationality inside Gorbachev's Russia* / Ed. by Seweryn Bialer. Boulder, CO: Westview, 1989; White S. *Political Culture and Soviet Politics*. London: Macmillan, 1979, и другие.

⁸ Sakwa R. *Russian Politics and Society*. P. 355; Petro N. *The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995; *Politics, Work and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens* / Ed. by Millar J. R. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

⁹ Figes O., Kolonitsky B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven, CT: Yale University Press, 1999. P. 122–123, 189.

Утверждение, что сталинская политическая культура уходила корнями в традиционалистскую культуру русского крестьянства, принимается многими как данность. Моше Левин указывал не только на религиозно-автократические традиции, наложившие отпечаток на отношения между обществом и государством в новой сталинской автократии, но и на влияние деревенской религиозности на государство, каким бы светским и рационалистическим оно себя ни позиционировало. Откликаясь на происходившие вокруг кардинальные изменения, крестьянское большинство преобразовывало и приспосабливало инструкции, пропаганду, моду и образы, пропуская их через своеобразные культурные фильтры. Влияние традиционного крестьянского мира, которое Левин называет консервативной силой, сформировало облик государства: «Социальная матрица могла породить только одно – авторитаризм». Исторические традиции отношений между государством и обществом в сочетании с однородным, замкнутым на общину, безграмотным или полуграмотным крестьянством, а также «откат 1917–1921 годов», ослабивший социальный фундамент (крестьяне вернулись к более архаичному укладу, а рабочий класс потерял «свои наиболее опытные и прогрессивные слои»), создали в России благоприятные для авторитаризма условия. Волны кризисов принесли с собой утрату ориентиров, обезличивание и потерю идентичности; большевистское окультуривание подорвало уже существующую культуру (сужая культурную элиту) и создало культурный «вакуум», когда крестьяне лишились прежних ценностей, но еще не успели приобрести новые¹⁰. Недавние работы о Всероссийском крестьянском союзе, движении первой трети XX века, позволяют поспорить с последним утверждением Левина относительно однородности и косности крестьянства: это движение свидетельствовало о политическом и социальном взрослении крестьянства, очевидном среди наиболее предприимчивых его представителей¹¹. На это распространение буржуазных и гражданских ценностей в крестьянской среде нельзя закрывать глаза. Две возникшие в результате политические культуры – традиционная и большевистская, если следовать теории Левина, – теперь представляются более многогранными. Сложное и нелинейное развитие нового самосознания ярко отразилось в дневниках бывших крестьян, ставших рабочими, в частности, Андрея Аржиловского.

Так как политическая культура – продукт одновременно коллективной истории и истории жизни отдельных людей, личный опыт, описанный в дневниках и частной переписке, обогащает наши представления об этой культуре. Споры в литературе о либеральном и нелиберальном субъекте¹² в СССР привлекли внимание к личному измерению и роли биографического времени в становлении советской политической культуры. Хотя понятие политической культуры подразумевает изучение масс, социальных групп и коллективной идентичности, культурные тенденции современной исторической науки и ставшие доступными многочисленные источники личного происхождения побуждают к исследованию индивидуальной субъектности. Формирование субъектности (автономной рефлексирующей личности) и поиск идентичности осуществлялись, с одной стороны, индивидуумами, с другой – продвигались государственным проектом «нового советского человека». Дневники показывают, как параллельно динамике изменений в культуре и обществе разворачивалась и актуализировалась личность, показывают процесс осмысления и освоения сталинистских ценностей, который иногда приводил к дрейфу либеральной личности к нелиберальному гражданину, как произошло с Нико-

¹⁰ Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. London: Methuen, 1985. P. 274, 304–311, 314.

¹¹ Seregny S. J. A Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905 // *Slavic Review* 1988. № 47 (1). P. 51–67; *Куреньшиев А. А. Всероссийский Крестьянский Союз, 1905–1930 гг.: Мифы и реальность*. М.: Дмитрий Буланин. 2004; *Великанова О. Разочарованные мечтатели. Советское общество 1920-х гг.* М.: РОССПЭН, 2017. Гл. 4.

¹² Субъектность в философии и социологии – это способность человека выступать агентом (субъектом) действия, быть независимым от других людей. Поведение субъекта не полностью детерминировано условиями его непосредственного окружения и ассоциируется с самодетерминацией и личностной автономией.

лаем Устряловым. В какой-то конкретный момент – например, в дискуссии о конституции, – эти социальные и индивидуальные траектории пересекались и порождали различные мнения. В таких случаях конституция была критерием, с которым люди сверялись и на основе которого выстраивали свою идентичность. Некоторые исследователи, в частности Шейла Фицпатрик, обнаружили в Советском Союзе 1930-х годов либерального советского субъекта – рациональных акторов, хорошо осознающих свои интересы и конкурировавших друг с другом за возможность устроить свою жизнь. Другие, в том числе Йохен Хелльбек и Анна Крылова, полагают, что либеральный дискурс культурно чужд СССР, а социалистический субъект, как правило, антилиберален, не заинтересован в индивидуальной свободе и не уважает частные интересы. Исследования политической культуры и советской субъектности дополняют и обогащают друг друга.

Вызывающая много споров дихотомия советской жизни и двойственность советского субъекта непосредственно связаны с темой этой книги. Эту двойственность отмечали многие авторы: официальная идеология и народные верования, политические освободительные идеалы и действующие на практике дискриминационные нормы, намерения правительства и их воплощение с неожиданными последствиями на практике, демократические элементы политической культуры и авторитарно-патриархальные элементы. Все авторы предлагают разные трактовки. Ценный вклад в эту дискуссию внесли Майкл Дэвид-Фокс и Андрей Медушевский: мы можем лучше понять несоответствия между конституционными нормами и реальностью диктатуры, если рассмотрим их в контексте исторического развития конституционализма в России XX века. Медушевский указывает на неизменность фиктивного характера конституционализма на протяжении всего столетия: в Основном государственном законе 1906 года, советских конституциях 1918, 1924, 1936, 1977 годов и в конституции 1993 года. Вслед за Максом Вебером он говорит о фальшивой природе реформы 1906 года, воплощенной в Государственной думе; иллюзорность реформы Вебер рассматривает скорее как следствие сложных обстоятельств и незаинтересованности социальных акторов в либерализме, чем как признак того, что русский народ «не созрел для конституционного правления»¹³. Советский конституционализм с его расхождениями между декларацией и практикой был продолжением предшествовавшей ему фиктивной модели. Медушевский определяет советскую демократию как номинальный конституционализм, введенный с целью замаскировать диктатуру пропагандой, а не для укрепления правовых основ. Он объясняет это устоявшейся моделью отношений между обществом и государством, которой внутренне присуще «отрицание закона как такового... для регулирования этих отношений» и давлением со стороны традиционалистской социальной среды. Сосредоточиваясь прежде всего на политических факторах, Медушевский тем не менее признает важную роль культуры с ее переплетением современных и традиционных элементов. Поэтому он определяет сталинизм как «своеобразную форму тоталитаризма, развивающегося и функционирующего в условиях модернизации и основанного на традиционных элементах российской монархической политической культуры»¹⁴.

Книга Дэвида-Фокса обогащает дискуссию о дихотомии советской жизни с элементами модерности и неотрадиционализма в СССР, выдвигая тезис о соединении в советском строе как современных, так и других элементов: традиционных, специфически российских, или нелиберальных¹⁵. После архивной революции, когда открылся доступ к документам с голосами масс, обнаружилась проблема непрямолинейного или искаженного восприятия официальной доктрины в обществе. Вслед за Фицпатрик, Суни и Виолой Дэвид-Фокс подчеркивает необ-

¹³ Beetham D. Max Weber and the Theory of Modern Politics. Cambridge, UK: Polity, 1985. P. 194–198.

¹⁴ Medushevsky A. Russian Constitutionalism: History and Contemporary Development. Hoboken, NJ: Routledge, 2005. P. 156, 187, 241.

¹⁵ David-Fox M. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. P. 44, 94.

ходимость отличать уровень государственных намерений с тенденцией к гиперпланированию от неожиданных последствий и неконтролируемого хаоса на местах, которые возникают при реализации этих намерений. Для моей книги особенно эвристична сформулированная им и Евгением Добренко¹⁶ концепция обрядового и театрального характера презентации и потребления идеологии, когда граждане внешне демонстрируют «хорошее поведение», при этом пренебрегая ее смыслом и содержанием, что перекликается со взглядами историков на характер принятия населением христианства на Руси. Алексей Юрчак полагает, что этот разрыв между репрезентацией и содержанием идеологии сильно увеличился в позднем послесталинском социализме¹⁷. Тем не менее, как я покажу далее, в 1930-е годы идеологическое послание конституции, помимо ритуальных внешних реакций у многих аплодировавших на митингах, все-таки было усвоено значительной частью участников дискуссии. Это особенно верно в отношении нового советского поколения, которое в силу молодости еще не прошло через циклы обманутых надежд. Многие из советских патриотов, особенно бенефициары, первоначально искренне поверили в конституцию и серьезно обсуждали ее содержание – демократию.

В социологических исследованиях, западных и российских, оценивается отношение российских граждан к демократии в 1990-е и 2000-е годы, которое может служить ориентиром при изучении политической культуры 1930-х годов. В отличие от использованных мною источников и методов их интерпретации, социология оперирует количественными данными. Один из наиболее репрезентативных опросов был начат в 1992 году Ричардом Роузом и его британскими коллегами и продолжался на протяжении двадцати лет. Проект «Барометр новой России» зафиксировал разочарование, вызванное несбывшимися надеждами на демократизацию, и инерцию авторитаризма в постсоветской России. Пример России характерен с точки зрения третьей волны демократизации, когда введение конкурентных выборов в разных странах выливалось в переход к гибридным режимам, которые в разных контекстах и в разное время определялись как номинальная, мнимая, нелиберальная или тоталитарная демократия. Роуз напоминает, что легитимный режим необязательно демократичен. Если же поддержка режима обеспечивается давлением, политическое равновесие между обществом и государством достигается уступками, покорным принятием или показным одобрением, а в перспективе ведет к возрастающему безразличию к политике, недоверию и оппозиционным настроениям. Разумеется, общество может поддерживать демократическую или недемократическую систему. Как показывают социологические опросы, несмотря на то, что «подавляющее большинство россиян считают демократию идеалом», они выражают все более явное одобрение недемократическим политическим практикам Путина в той же или в большей мере, что европейцы, поддерживающие демократические режимы в Центральной и Восточной Европе¹⁸. Вопрос, как широкая публика и российские «демократы»¹⁹ представляют себе демократию, – тема продолжающихся исследований.

Таким образом, среди исследователей преобладает взгляд, что массовая политическая культура в России недостаточно восприимчива к либеральным ценностям.

¹⁶ «Идеология как репрезентация» в терминологии Добренко. См. статью: *Dobrenko E., Savage J., Olson G. Socialism as Will and Representation, or What Legacy Are We Rejecting?* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. № 4. P. 675–708, и его работы о соцреализме. Об элементах перформанса в культуре также говорил Джеффри Брукс: *Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.

¹⁷ *Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 12, 21.

¹⁸ *Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime*. P. 3–15.

¹⁹ Исследование демократического движения 1985–1991 годов, проведенное Лукиным на основе качественных методов, показывает, что в России эпохи Горбачева отсутствовали необходимые культурные предпосылки для успешной демократизации (см. главу 13): *Lukin A. The Political Culture of the Russian 'Democrats'*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

***

В июне 1936 года проект новой советской конституции был опубликован для общественного обсуждения. Он объявил, что СССР приближается к неантагонистическому социалистическому обществу, и, соответственно, снял ограничения на право голоса и ввел всеобщее избирательное право, тайное голосование, разделение властей, открытый судебный процесс и право обвиняемых на защиту. Конституция провозгласила свободу печати, собраний и неприкосновенность личности, жилища и переписки. В связи с прежней приверженностью большевиков к классовой борьбе этот демократический импульс стал неожиданным поворотом в официальной партийной линии, который вызвал различные комментарии в санкционированной государством общенациональной дискуссии, которые составляют главную источниковую базу этой книги. В ней я анализирую и интерпретирую политические ценности и убеждения, выраженные в ходе кампании обсуждения и за ее пределами.

Историки иногда выражают скептицизм по поводу попыток выяснить, что люди «на самом деле» думают в авторитарных режимах, потому что несвободные люди склонны некритично воспринимать официальную правду и боятся выражать оппозиционные взгляды. В данном исследовании полностью признается эта эпистемологическая проблема. Его главная находка, еще не истолкованная и не объясненная в историографии, – это массовое неприятие обществом демократических принципов сталинской «священной» конституции, которое люди не боялись громко озвучивать. Другая находка – наличие либерального, примирительного дискурса в общественном сознании, несмотря на атмосферу нетерпимости, характерную для сталинской диктатуры. Скептический и проникательный наблюдатель, британский консул в Ленинграде, заявил в 1934 году: «Возможно, общественное мнение стоит поизучать, даже здесь»²⁰.

Эту задачу – изучения настроений и мнений населения в 1936 году – я ставлю перед собой в этой книге, тем более что в историографии конституция 1936 года изучалась в основном с точки зрения правительственной и судебной системы – в работах П. Соломона (1996), К. Петроне (2000), Э. Уимберг (1992), А. Гетти (1991) и в советских трудах. Последние основное внимание уделяли политическому процессу и обстоятельствам создания советской конституции: организации комиссии в феврале 1935 года, ее составу из высшего руководства партии и эволюции пяти проектов конституции²¹. Западные авторы, обсуждая основные причины написания новой конституции, подчеркивают цель создания позитивного имиджа на международной и внутренней арене, то есть «рекламный трюк», а также стремление к централизации. Я же показываю, что традиционное толкование конституции как пропагандистского проекта, в основном для Запада, больше не охватывает весь спектр мотивов правительства. В первой части этой книги рассматриваются правительственные цели принятия новой конституции и всенародной дискуссии, а также мотивы последующего отказа от конкурентных выборов и игнорирования демократических принципов, заложенных в конституции. Новые документы, включая внутреннюю секретную переписку руководства, позволяют предложить здесь новую версию об авторстве реформы, которое прежде единогласно приписывали Сталину. Более того, эти документы, а также последние исторические публикации позволяют мне пересмотреть роль идеологических мотивов, экономический и политический контекст реформы и раскрывают

---

²⁰ Bullard R. W. Inside Stalin's Russia: The Diaries of Reader Bullard, 1930–1934 / Ed. by J. Bullard and M. Bullard. Charlbury, Oxon, 2000. P. 258.

²¹ Богатыренко З. С. Обзор документальных материалов по истории создания конституции СССР, 1936 г. // Исторический архив. 1959. № 2. С. 197–205; Рошин С. А. Конституция СССР 1936 года. М.: Госюриздат, 1957; Третьяков Г. Ф. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР // Вопросы истории. 1953. № 9. С. 97–102; Кабанов В. В. Из истории создания Конституции СССР 1936 года // История СССР. 1976. № 6. С. 116–127.

тайну зигзагообразной политики 1936–1937 годов с ее поворотом от умеренности к массовым репрессиям.

Хотя историография уделяет больше внимания политическим обстоятельствам создания конституции, мое исследование фокусируется на реакции общества. В отличие от структурной и институциональной перспектив, книга предлагает культурный подход в дополнение к исторической картине того периода. Некоторые авторы обращались к теме реакции общества на конституцию и рассматривали вопросы общественной поддержки и взаимосвязи между демократией, воплощенной в конституции, и террором²².

Однако первопроходцем в изучении темы был Арч Гетти, который проложил путь для дальнейших исследований. Его статья начала 1991 года, опубликованная до открытия архивов и последующего пересмотра советской истории, опиралась на имеющиеся архивные документы. Гетти первым обсуждал цели дискуссионной кампании не в идеологических, а в социально-научных терминах: выборку общественного мнения, стратегию мобилизации и направления общественного недовольства против местных чиновников. Сосредоточившись в основном на политических перипетиях власти, Гетти на четырех страницах сформулировал основные темы реакции общества на конституцию в Ленинграде и Смоленске, сделав вывод о массовом неприятии большинством либеральных новшеств конституции. Вывод Гетти: конституция с самого начала не была демократическим фарсом. Цель государства заключалась в проведении демократической реформы диктатуры на основе широкого участия населения. Однако после экспериментирования Сталин, напуганный местными чиновниками и враждебностью крестьян, передумал и отменил демократическую реформу и повернул к репрессиям²³.

Эта пионерская статья Гетти послужит основой для дальнейшего обсуждения здесь таких важных тем, как обоснованность его теории демократических реформ и их плановый или непреднамеренный характер, взаимосвязь демократии и репрессий, роль общегосударственной дискуссии в политических поворотах Сталина. И политика, и реакция общества на конституцию, слишком кратко представленная в литературе, заслуживают всестороннего анализа с использованием нового уровня знаний и более широкого круга источников. Методология политической культуры является действенным инструментом для изучения общественного сознания: как развивались политическое участие, массовая мобилизация, идеал народного суверенитета, понятие гражданских прав и индивидуалистических ценностей в специфических условиях сталинизма.

Концепция политической культуры как комплексной системы взаимосвязанных убеждений, представлений и ценностей еще не применялась в исследовании сталинского общества. Классическая типология политической культуры, предложенная Алмондом и Вербой, описывает приходскую (или патриархальную), подданическую и партиципаторную культуры, каждая из которых связана соответственно с традиционным крестьянским обществом, централизованной авторитарной структурой и демократической политической структурой²⁴. Эта типология не совсем подходит советским моделям мышления и убеждений, ибо то, что мы видим в советских массовых представлениях, – это спектр характеристик от либеральных ценностей до авторитарных, с тенденцией к простому, биполярному миру, персонификации власти и нетерпимости к меньшинствам. Характер моей источниковой базы диктует несколько иную таксономию. Комментарии граждан тяготели к двум основным категориям: первая группа – комментарии в поддержку демократических, гражданских, умеренных, примирительных, толерантных (например, к религии) ценностей – иными словами, либеральных ценностей. Вторая группа

---

²² Siegelbaum L., Sokolov A. *Stalinism as a Way of Life*. New Haven, CT: Yale University Press, 2004; Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Goldman W. Z. *Terror and Democracy in the Age of Stalin*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

²³ Getty J. A. *State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s* // *Slavic Review* 1991. № 50 (1). P. 18–35.

²⁴ Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Boston: Little, Brown, 1965.

комментариев тяготела к поддержке аффективных, воинственных, нетерпимых, бескомпромиссных и ограничительных – или антилиберальных – ценностей, таких как ненависть к врагам, любовь к высшей власти, общая враждебность, приверженность к ценностям, заявленным руководством. Кроме того, хорошо заметна подгруппа, выражающая коллективистские и клановые ценности, которые в российском контексте можно определить как ценности, ассоциируемые с традиционными крестьянскими обществами. Многие авторы обсуждали сохранение архаичных русских практик при сталинизме, таких как «письма во власть» как примитивный способ представления интересов, возрождение «аристократии» с определенным статусом – номенклатуры (или «бояр», по выражению Гетти) и склонность к коллективной ответственности²⁵. Современные социологические опросы часто используют категории демократической и традиционной политической культуры.

Какую бы типологию мы ни использовали – классическую, социологическую или либеральную/нелиберальную, – важно, что ни одна типология не подразумевает однородности политической культуры. В социальной реальности и на индивидуальном уровне всегда присутствует переплетение различных типов культуры: «Гражданин – это особое сочетание партиципаторной, подданической и патриархальной ориентации, а гражданская культура – это смешанный тип политической культуры, в котором наряду с преобладанием составляющих культуры партиципаторного типа органически присутствуют элементы патриархальной и подданической культур»²⁶. Кроме того, такие факторы, как стремительность трансформации (например, слом крестьянского мира в СССР в течение нескольких лет), политическая нестабильность и разрыв поколений, особенно выраженные в 1930-х годах, усугубляют многогранность политической культуры в этот конкретный период. «Слишком жесткое наступление на патриархальность может привести к тому, что и патриархальная, и подданическая ориентация могут перейти к апатии и отчуждению. Результатом станут политическая фрагментация и разрушение нации»²⁷. Таким образом, классифицируя дискурсы как либеральные или нелиберальные, мое исследование всегда подразумевает культурную смесь, следуя историографическим описаниям советского культурного пространства как «волатильной культуры» (по определению С. Франка и М. Штенберга) или сметенной и перекошенной идентичности, определенной Моше Левиным как «зыбучее общество».

²⁵ *Nérard F.-X.* Stalinism as Traditional Political Culture // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. № 17 (2). P. 475–482; *Martin T.* Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // *Stalinism: New Directions* / Ed. by Sheila Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. P. 348–76; *Lewin M.* The Making of the Soviet System; *Getty J. A.* Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven, CT: Yale University Press, 2013.

²⁶ *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture. P. 19.

²⁷ *Ibid.* P. 23.

Глава 2

Источники

Начало эпохи массовой политики заставило современные правительства отслеживать мнения граждан с целью более эффективного управления населением. Это привело к появлению социологических опросов и практики полицейского наблюдения. И социология, и полицейский надзор стремились узнать, что люди думают, и столкнулись с проблемой трудноуловимого характера мнений. Даже в свободных демократических странах существует проблема потенциальной неточности результатов опросов. Возможные искажения в результатах кроются в методологии опроса и не только. Опрашивающие агенты могут манипулировать ответами путем формулировки или последовательности вопросов. На неточность результатов опроса могут влиять неучтенные мнения тех, кто отказался отвечать на вопросы, неискренние ответы респондентов, воздействие СМИ и другие факторы. Случаи провала опросов общественного мнения хорошо известны в истории, например, на президентских выборах 1948 и 2016 годов в США, на парламентских выборах 1970, 1974 и 1992 годов в Великобритании, а также на российских парламентских выборах 1993 года с неожиданным успехом националистов. Тем не менее, вероятность неточных результатов не исключает использования опросов как важного инструмента изучения общества.

Это введение необходимо здесь для того, чтобы указать на большую возможность искажения картины мнений, формулируемых и собираемых в условиях, во-первых, сталинской диктатуры и всеобщего страха, во-вторых, в период, когда методика научных опросов была в лучшем случае рудиментарной, в-третьих, в условиях, когда заинтересованная сторона не могла задать соответствующие вопросы населению, а вместо этого какие-то крупные события провоцировали спонтанные высказывания. Эти неординарные в глазах современных социологов условия исторической реконструкции картины общественного сознания вызвали волну критики в академическом сообществе, когда огромный комплекс данных полицейского наблюдения стал доступен ученым сначала в Германии, а затем в 1990-х годах в России – особенно обзоры (сводки и *Stimmungsberichte*) политических настроений и мнений, составленные органами безопасности для тоталитарных режимов.

Эти обзоры часто критиковались в академической литературе за предвзятость и ненадежность. Жестокая репутация нацистских и сталинских силовых структур, вероятно, способствовала росту скептицизма. В итоге, двадцать пять лет дискуссий об источниках, созданных сталинским режимом, – их ограниченности и потенциале – привели к появлению особого жанра научной литературы о методах их критики и использования, значительно продвинув источниковедение²⁸. В последнее время, после десятилетий скептицизма и плодотворных дискуссий, триангуляция всей имеющейся информации по конкретным темам привела к тому, что все больше историков²⁹ хоть и с оговорками, но признали ценность сводок как исторического источника не только для изучения общества, но и для анализа официальных и институциональных взглядов на общество. «Эти доклады НКВД в архиве КГБ... обычно содержат достоверные отчеты о сельскохозяйственной ситуации в сочетании с сильным акцентом, как и почти

---

²⁸ Viola L. Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Slavica Publishers. Vol. 1. № 1. Winter 2000. P. 45–69; Velikanova O. Berichte zur Stimmungslage: Zur den Quellen politischer Beobachtung der Bevölkerung in der Sowjetunion // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 1999. № 47 (2). P. 227–243; Holquist P. 'Information Is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *The Journal of Modern History*. 1997. № 69 (3). P. 415–450; Fitzpatrick Sh. Popular Opinion in Russia under Prewar Stalinism // *Popular Opinion in Totalitarian Regimes: Fascism, Nazism, and Communism* / Ed. by Paul Corner. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 17–32.

²⁹ Например: Davies R. W. *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 6, *The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936*. London: Palgrave Macmillan, 2014; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1934–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

все документы НКВД, на якобы „контрреволюционной“ деятельности»³⁰. Переоценка коснулась и другого рода источника, традиционно считающегося учеными ненадежным, такого как рассказы и воспоминания заключенных (используемые Александром Солженицыным в качестве источниковой базы для «Архипелага ГУЛАГа»), которые позднее, после сопоставления с архивными документами, были признаны достаточно достоверными³¹. Недоверие к советской статистике сохраняется, хотя, например, демограф Сергей Максудов считает данные переписей 1926, 1937 и 1939 годов относительно более достоверными, чем местная статистика, исходящая из деревень и областей³².

Данное исследование основано на различных правительственных, личных и зарубежных источниках, в основном на архивных материалах: стенограммах и документах советских органов власти и комментариях к общенациональной дискуссии 1936 года. Хотя советская пресса широко освещала кампанию, большая часть предложений населения была скрыта в государственных архивах. Эти хранилища содержат сотни папок с неопубликованными письмами отдельных граждан в газеты, материалы собраний на предприятиях, анонимные письма в органы власти и формальные коллективные и индивидуальные предложения. Во-первых, для изучения целей дискуссионной кампании и ее политического механизма я использовала документы пленумов Коммунистической партии, материалы Центрального комитета и внутреннюю переписку лидеров. Во-вторых, я изучила материалы НКВД, который постоянно отслеживал политические настроения населения и регулярно направлял высшим партийным чиновникам секретные сводки. Эта внутренняя государственная документация дополняется данными британской и американской разведки для получения альтернативной внешней перспективы. В-третьих, я исследовала документацию организационного центра кампании Президиума Центрального исполнительного комитета (ЦИК), который составлял собственные сводки комментариев к конституции. Наконец, обзоры Комиссии ЦИК по делам культов о реакции верующих и духовенства на конституцию дополняют привлеченный массив государственных источников.

У каждого из этих государственных учреждений были свои собственные повестки дня и подходы к сбору и интерпретации информации, которые определяли структуру и характер обзоров. Такое разнообразие повесток дня дает историкам возможность сравнивать и объективизировать информацию, исходящую из различных органов и институтов. Привлеченные здесь материалы наблюдения (партийного, НКВД и военного) являются своеобразным историческим источником и требуют некоторых дополнительных комментариев. Так, при изучении сводок о настроениях и политической ситуации историки учитывают функции органов безопасности и специфику корпоративной культуры, которые оказали влияние на презентацию собранных данных. По словам Джона Маклафлина, бывшего директора Центрального разведывательного управления США, культура мира разведки характеризуется скептицизмом. Обязанностью аналитиков является поиск проблем и предупреждение правительства об опасностях. Это способствует более мрачному представлению событий в докладах³³. Ф. Э. Дзержинский, основатель советской службы безопасности, отмечал аналогичную тенденцию в чекистских обзорах. Это и понятно, так как ЧК—ОГПУ—НКВД, в соответствии с охранительными и репрессивными функциями, в своих сводках общественных настроений уделяли основное внимание «негативным» процессам, антисоветской деятельности и инакомыслию. Секретари пар-

³⁰ Р. В. Дэвис ссылается на доклад воронежского НКВД от 20 июля 1936 года о ситуации в области: *Davies R. W. The Industrialisation of Soviet Russia*. P. 317; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. С. 278–280.

³¹ *Applebaum A. Foreword / The Gulag Archipelago, 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation*. Translated by T. P. Whitney and H. Willets. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2007. P. xix.

³² *Максудов С. Демография «Великого перелома» 1929–1933 / интервью М. Соколову // Эхо Москвы. 2019. 2 июня. URL: <https://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/2435957-echo/>.*

³³ *Analyzing Intelligence: Origins, Obstacles, and Innovations / Ed. by R. Z. George and J. B. Bruce* Washington, DC: Georgetown University Press, 2008. P. 73.

тийных организаций или партийные информаторы, сообщая о настроениях, не были столь репрессивны, не очень стремились к точности в именах авторов комментариев или их позиции, места службы и проживания. Напротив, НКВД в информационных материалах всегда указывал эти данные и дополнительно классифицировал высказывания людей по политическим направлениям: «троцкист-зиновьевец», «социалист-революционер» или кулак, хотя это не означает, что эти люди принадлежали к какой-то организации или были зажиточными крестьянами. Такие деноминации, как правило, представляют собой своего рода политические ярлыки, характеризующие идеальный тип врага в сознании составителя обзора. Характерной чертой материалов наблюдения была политизация, происходившая из задач каталогизации неLOYальных лиц и отслеживания негативных тенденций. Репрессивная функция НКВД часто воплощалась в лаконичных пометках после изложения оппозиционных или недовольных комментариев: «Имярек арестован».

То, каким образом сводки представляют массовые настроения и политические суждения, характеризует специфику мышления офицеров НКВД, особое манихейское мировоззрение этой касты, склонной повсюду видеть угрозы, и типичное для всякого чиновника стремление продемонстрировать свою эффективность, соответствовать ожиданиям руководства или Сталина³⁴ и текущей партийной линии. Особого критического внимания исследователей требуют свидетельства о массовой фальсификации и фабрикации документов на всех уровнях делопроизводства ведомства, представленные историками, получившими доступ к региональным архивам советской службы безопасности – например, в Украине и Сибири, в том числе к агентурно-оперативным материалам. Один провокатор-агент, Николай Кузнецов, будучи арестован НКВД в 1934 году, показал, как он оставлял отчеты: «Даты, встречи, состав присутствующих – это неоспоримо верно, но там, где в моих донесениях начинаются чужие слова, заключенные в кавычках... <...> ...Все наиболее резкое... являлось выдуманной, намотанной мной грубой ложью. Я здесь руководствовался одним, если человек не говорил против Сов[етской] власти, я ему ничего не выдумывал, но если этот человек настроен отрицательно к существующему строю и это мне в беседах высказывал, я ему приписывал неговоренное им... Приписки эти я делал, основываясь на своих предположениях»³⁵. Новосибирский историк А. Г. Тепляков, указывая на «относительную степень достоверности чекистской информации», тем не менее подчеркивает, что многое проверяется и дополняется другими источниками, и признает соответствие действительности (в основном) по крайней мере отдельных видов информации. Понимая, что у сводок НКВД есть свои эпистемологические пределы, я пытаюсь их проверить и уравновесить их тенденциозность документацией альтернативного происхождения, среди прочего, разведывательными отчетами МИД Великобритании и американских спецслужб о положении в СССР.

В отличие от отчетов НКВД, сосредоточенных на негативных процессах, отчеты партийных, советских или экономических структур часто были склонны рисовать более позитивную картину общества, чтобы радовать власть репрезентацией успехов. Ответственным за продовольственное снабжение Ленинграда в 1932 году был партийный деятель П. А. Кулагин. Он говорил британскому консулу: «Мы не верим, как люди в Москве, что все хорошо». Если верить ему, продолжает консул, «многие чиновники посылают [наверх] положительную информацию, которая, как они знают, не соответствует действительности, потому что у них нет смелости сообщить правду; таким образом Кремль никогда не ведает, что происходит в реально-

³⁴ В задачи американских разведчиков-аналитиков входит определение потребностей заказчика (правительства) и предоставление разведанных для удовлетворения этих потребностей (Analyzing Intelligence. Р. 2). В советской практике, однако, это могло превратиться в дилемму, когда видение некоего события правительством не соответствовало тому, как это видел аналитик. Советские статистики в «репрессированной» переписи 1937 года заплатили своими жизнями за статистику, которая не соответствовала взглядам Сталина на общество.

³⁵ Тепляков А. Г. Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф, 2008. С. 22, 24, 204–205.

сти»³⁶. Наилучшим решением при работе с тенденциозными или ненадежными источниками является проверка. Историки отслеживают, насколько их данные согласовываются с данными из других источников (триангуляция на языке разведки). Если различные источники, ситуации, ведомства и географические регионы дают сопоставимые данные, это говорит в пользу достоверности обсуждаемых фактов или распространенности того или иного мнения.

Другой государственный орган, Президиум ЦИК, организовывал и направлял дискуссию о проекте конституции и, пытаясь отследить широкий спектр и разнообразие мнений, требовал регулярной отчетности от местных должностных лиц о ходе кампании. Мониторинг общественных настроений был одной из целей кампании. ЦИК аккумулировал информацию из республик и регионов, газет и частных лиц. С июня по ноябрь 1936 года ЦИК обобщил и классифицировал 43 427 комментариев – около четверти дискуссионных материалов³⁷ – и составил 13 сводок и другой документации, включая статистические данные, которые я далее называю «оценками ЦИК». Эти статистические данные будут здесь представлены, хотя характер источников не позволяет с точностью оценить количественные параметры различных политических субкультур в обществе. Скорее, они показывают их качественное многообразие. Эти статистические данные, при всей их ограниченности и фрагментарности, придают некоторую рациональность моим впечатлениям, полученным от прочтения массива комментариев. В статистических оценках, в дополнение к данным ЦИК, я также ссылаюсь на свою выборку из 470 типовых комментариев, систематизированных и обобщенных Исполкомом Горьковского края в его отчете Москве 16 октября 1936 года на основе 4000 комментариев. Краевой исполком составил таблицу с комментариями к статьям конституции из различных районов³⁸. Я также использую подсчеты предложений к конституции, сделанные Арчем Гетти по Ленинградской (2627 писем) и Смоленской (474 письма) областям³⁹. К сожалению, Гетти не включил в свою выборку «непрограммные замечания вроде благодарности Сталину», в то время как я учитывала полный набор комментариев. Льюис Сигельбаум справедливо отмечал, что следует рассматривать весь комплекс комментариев – как практических, так и фантастических, – а не только те, которые имеют непосредственное отношение к статьям конституции⁴⁰. Иногда я представляю абсолютные цифры комментариев на основе всех своих исследовательских записей, полученных из различных источников: НКВД, ЦИК, областные сводки, письма в газеты и т.д. Хотя и лишённые процентного соотношения, эти цифры часто говорят сами за себя.

Помимо НКВД и ЦИК, данные собирали и другие ведомства. Комиссия ЦИК по делам культов подготовила обзоры о реакции верующих и духовенства на конституцию. Чтение между строк этих докладов оставляет впечатление, что их авторы принимают и даже иногда защищают интересы этой группы. Вероятно, их недостаточно жесткая позиция привела к закрытию этой комиссии в 1938 году. Хотя ЦИК и Комиссия по делам культов преследовали свои собственные корпоративные цели, их сводки не имели репрессивной функции и звучали более беспристрастно, представляя как несогласие, так и позитивный дискурс. Советские газеты («Правда», «Крестьянская газета», «Известия», «Коммуна» (Воронеж), используемые здесь) регулярно публиковали хорошо отфильтрованные и, вероятно, отредактированные комментарии граждан, причисывая их в соответствии с политическими нормами, одновременно

³⁶ Bullard R. W. Inside Stalin's Russia. P. 116.

³⁷ Siegelbaum L., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life. P. 134; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 125. К 1 ноября 1936 года семь союзных республик представили отчет по 94 521 рекомендации.

³⁸ Общество и власть. Российская провинция 1917–1980-е годы: В 3 т. / Под ред. Кулакова А. А., Сахарова А. Н. Т. 2: 1930 – июнь 1941 г.. М.: ИРИ РАН, 2005. С. 389–435.

³⁹ Getty A. State and Society under Stalin; Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 353.

⁴⁰ Siegelbaum L., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life. P. 134.

конфиденциально направляя в правительство обзоры неопубликованных комментариев⁴¹. Конфиденциальные списки вопросов из аудитории, записанных на собраниях и семинарах и предназначенных только для местного партийного комитета, с их простонародным языком, наивностью и резкостью, представляются более достоверными, чем типовые списки предложений, составленные в соответствии с неким шаблоном и возможно подчищенные чиновниками для представления в Москву. Значительная часть использованных источников исходила из государственных и партийных органов.

Обзоры, составленные официальными лицами, дополняются документами индивидуального происхождения: дневниками и письмами в газеты и органы власти, которые тоже необъективны, но подвержены влиянию других соображений и условий. Ученые, работающие с документами личного происхождения сталинской эпохи, знают, что их авторы очень часто проявляли неустойчивую идентичность в силу изменчивости их статуса и непрерывных социальных потрясений: одни граждане уже с энтузиазмом усвоили официальные ценности и сделали их своими (Галина Штанге и авторы дневников, представленных Натальей Козловой), другие находились в процессе формирования своей идентичности (молодые авторы – Степан Подлубный, Леонид Потемкин, Нина Костерина, – а также бывший либерал Николай Устрялов); другие научились демонстрировать внешнее соответствие, публично подчинялись нормам, но скрывали свои воззрения или несогласие (Аржиловский, Маньков, Гинзбург, Шапорина, Пришвин). Такая подвижность идентичности серьезно осложняет работу аналитика их записей. У членов всех этих групп были свои причины для участия в обсуждении конституции, например, для демонстрации лояльности. Для дневников, однако, характерна аура интимности и искренности. В советской ситуации затяжного кризиса и переменчивой идентичности мотивация к самовыражению была гораздо сильнее, чем в политических режимах с давно установившейся системой ценностей. Более того, некоторые советские авторы дневников – молодые и даже зрелые (Потемкин, Подлубный, Г. Эфрон, Устрялов), – вдохновленные идеей Нового Человека и нового мира, сознаются в постоянных усилиях по преобразованию себя в составную часть воображаемого социалистического сообщества, часто жертвуя своей личной автономностью, воспринимаемой ими как «мелкобуржуазный» индивидуализм⁴². Эти психологические свидетельства «бегства от автономии», исследованные историками школы субъектности, придают эпистемологическую глубину массиву нелиберальных комментариев к конституции.

Среди использованных здесь источников – около двух тысяч интервью и опросов, осуществленных в 1950–1951 гг. среди советских беженцев в Европе и Америке, известные как Гарвардский проект, посвященный советской социальной системе. Среди вопросов, которые американские интервьюеры предложили беженцам, был: «Какое впечатление произвела на вас советская Конституция 1936 года?» Поэтому здесь можно найти множество интересных материалов. Мировоззрение и опыт этого контингента были шире и богаче, чем у их соотечественников в 1936 году. Все корреспонденты могли сравнить условия в СССР с европейским и/или американским опытом. Организаторы не могли игнорировать тот факт, что беженцы, вероятно, чувствовали себя обязанными перед страной, которая обещала или предоставила им убежище, и хотели угодить американцам и сказать то, что от них ожидается; поэтому в проекте были предприняты попытки учитывать такую «лесть» и возможную предвзятость. Кроме того, свидетельства беженцев дистанцированы от события (общенациональной дискуссии) и обогащены знаниями о его последствиях. Вместе с внешней перспективой это повлияло на часто критическое отношение беженцев к советской действительности, отмеченное исследователями. Однако нередки случаи, когда респонденты высказывали мнения вопреки полити-

⁴¹ Например, «Крестьянская газета», см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006. Т. 4. С. 795–799, 804–809, 819–827.

⁴² Hellbeck J. Liberation from Autonomy: Mapping Self-Understandings in Stalin's Time // *Popular Opinion in Totalitarian Regimes: Fascism, Nazism, and Communism* / Ed. by P. Corner. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 53.

ческому мейнстриму в США, например, восхваляя государственный контроль, социальную защиту и честно признавая, что они лично пользовались новыми свободами после 1936 года, например, когда дети кулаков получили доступ к образованию. Данные Гарвардского проекта позволяют сравнить динамику политических ориентаций в 1930-х и 1950-х годах.

Несмотря на ограниченность каждого конкретного источника, их разнородность дает возможность триангуляции информации и в конце концов позволяет характеризовать основные элементы политической культуры. Разнообразие источников обеспечивает максимально возможную в данном случае репрезентативность выборки взглядов советского общества, особенно когда мнения, содержащиеся в различных источниках, как личных, так и официальных, выражают одно и то же отношение. Несмотря на эпистемологические проблемы предвзятости, репрезентативности и точности каждого конкретного источника, а также на непоследовательность и неоднозначность мнений, исследователи не могут игнорировать такие интригующие свидетельства о советском обществе. Отсутствие возможности количественной оценки данных не перечеркивает исследовательскую значимость общественного мнения в формировании сталинского общества.

Еще одной проблемой моих источников была непоследовательность и изменчивость настроений. Загадочную двойственность мышления советского гражданина, когда зачастую противоречивые мнения и смешанные, конфликтующие взгляды сосуществовали даже внутри одного человека, можно объяснить двойственностью его среды, с разрывом между официальными нормами и реальным опытом. Настроения определялись как повседневной жизнью с ее тяготами, так и заявленной высокой целью социализма: первая может вызвать критику, вторая – воодушевление⁴³. Тем не менее, такой «иррациональный» образ мышления не был уникальным советским явлением, он был характерен для крестьян любой национальности с социальным в основном, а не экономическим способом мышления, в котором одновременно могут присутствовать два противоречивых мнения⁴⁴. Кроме того, делая задачу аналитика еще более сложной, любой человек в один момент мог чувствовать вдохновение и патриотизм, а в другой момент неудовлетворенность, в зависимости от многих переменных, включая изменение социального статуса или такие элементарные ощущения, как голод или сытость, как показал социолог Питирим Сорокин⁴⁵.

Эти трудности и ограниченность имеющихся данных не позволяют сделать количественные оценки частоты мнений в исследованиях советского общественного мнения. Природа наших источников и методов, используемых в культурологии, отличается от социологических и исторических позитивистских исследований. Изучая массив неструктурированных данных, я использую качественный метод как аналитический инструмент для получения более глубокого понимания культурных практик. Этот метод классификации исторических и культурных данных по темам, вычленения паттернов, чтобы сделать собранные данные интерпретируемыми, использовался в первую очередь в антропологии и этнографии для достижения понимания того, что мотивирует поведение человека, но в последнее время он стал более междисциплинарным и используется в исторических исследованиях⁴⁶. Тематический анализ является наиболее распространенным методом, используемым в качественных исследованиях для определения паттернов в собираемых данных. В отличие от социологического исследования, преимущество этого метода заключается в успешном снижении вероятности предвзятости, предопределенной позицией исследователя и интервьюера⁴⁷.

⁴³ Fitzpatrick Sh. Popular Opinion in Russia under Prewar Stalinism. P. 25–26.

⁴⁴ Peasants and Peasant Societies: Selected Readings / Ed. by T. Shanin. Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1971. P. 247.

⁴⁵ Sorokin P. A. Hunger as a Factor in Human Affairs. Translated by Elena Sorokin. Gainesville: University of Florida Press, 1975.

⁴⁶ Denzin N., Lincoln Y. The SAGE Handbook of Qualitative Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011.

⁴⁷ Boyatzis R. Qualitative Information: Thematic Analysis and Code Development. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998; Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. № 3(2). P. 77–101.

Этот метод получил признание, например, в ходе полевых исследований по изучению социокультурных ориентаций местного населения в ходе операций Международных сил безопасности в Афганистане. Для оценки убеждений и представлений афганцев специалисты отходили от традиционных опросов, поскольку вопросы слишком часто отражали предвзятость исследователей, и те, таким образом, получали ожидаемые ответы. Вместо этого исследователи задавали чрезвычайно открытые вопросы, провоцируя рассказывание историй (например, историю села), которые выявляли ценности, представления и опасения. Триангуляция нескольких сюжетов открывала возможность для анализа⁴⁸. Поведенческие экономисты также учли критику метода опросов, сосредоточившись на полевых исследованиях, а не на лабораторных экспериментах и социологических данных. В отличие от традиционной экономической науки, которая предполагает, что люди в основном рациональны и неэмоциональны, поведенческая экономика учитывает влияние ограниченной рациональности, социальных предпочтений и отсутствия самоконтроля на индивидуальное поведение. Таким образом, специфика исследованных источников диктует необходимость использования комбинации аналитических методов, поскольку, например, эмоциональная составляющая была частью комментариев в конституционной дискуссии.

Когда это возможно, исследователи могут применять статистический анализ для оценки тем, хотя количественная оценка не входит в число достоинств качественного метода. Формирование исследователем взвешенного, обоснованного впечатления признается допустимым аналитическим инструментом в качественных исследованиях, когда такое впечатление представляется в структурированной аргументированной форме. Я предприняла все усилия для сбора как можно большего объема репрезентативных данных для представления тем и нарративов, характеризующих политическую культуру советского общества, нашедшую выражение в конституционной дискуссии.

Предпочтительный термин «массовые восприятия/настроения/представления» отражает указанную неопределенность в источниках и используется здесь для того, чтобы отличить предмет моего исследования от хорошо организованного и измеримого «общественного мнения» в свободных обществах, основанного на социологических данных. Хотя до сих пор иногда материалы общенациональной дискуссии необоснованно недооценивались некоторыми историками⁴⁹, соответствующий критический анализ этих материалов позволяет нам изучать советское общество 1930-х годов и его отношение к индивидуализму, плюрализму, гражданским правам, насилию и компромиссу, а также уровень терпимости, которые характеризовали его переход от традиционного общества к современности.

⁴⁸ Price B. R. Notes on My Mixed Methods Approach to Rapid Assessment. 2017. Unpublished manuscript.

⁴⁹ И. Б. Орлов и Е. О. Долгова писали: «Многие граждане СССР не заметили введения Конституции»; Медушевский и Бранденбергер в соответствующих исследованиях почти проигнорировали дискуссию 1936 года. См.: Орлов И.Б., Долгова Е. О. Политическая культура россиян в XX веке: Преемственность и разрывы. Сергиев Посад: СПГИ, 2008. С. 150; Medushevsky A. Russian Constitutionalism: History and Contemporary Development; Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941. New Haven: Yale University Press, 2011.

Часть I

Цели пересмотра конституции и ее всенародного обсуждения

Глава 3

Происхождение конституционной реформы

Внутренняя переписка высших партийных чиновников открывает перед нами новые сведения об авторстве, механизме выработки и первоначальных целях конституционной реформы. Историки единодушны во мнении, что эта инициатива принадлежала Сталину. Однако недавно обнаруженные архивные документы позволяют проследить, как родилась идея: она возникла еще в 1933 году из предложения секретаря ЦИК СССР А. С. Енукидзе о реформе избирательной системы.

Авель Сафронович Енукидзе (1877–1937) принадлежал к первому поколению партийцев. Родом из Закавказья, он поддерживал дружеские личные отношения со Сталиным и Орджоникидзе и был частью тесного «сталинского круга». В разгар внутренних дебатов по поводу конституционной реформы 3 марта 1935 года Политбюро освободило Енукидзе от должности секретаря ЦИК в ходе так называемого Кремлевского дела правительственных служащих (январь – апрель 1935 года), однако он оставался членом конституционной комиссии, избранным 8 февраля. На июньском Пленуме ЦК 1935 года он был исключен из партии, год спустя восстановлен, но в конце концов арестован 11 февраля 1937 года и расстрелян в октябре 1937 года⁵⁰.

Еще 25 мая 1933 года Енукидзе направил в Центральный комитет записку от имени партийной группы секретариата ЦИК, в которой предлагал внести изменения в избирательную процедуру в ходе предстоящей в 1934 году избирательной кампании в советы. Он выдвинул несколько аргументов в пользу более инклюзивного избирательного законодательства. Первым его аргументом стало успешное завершение коллективизации, которая, по его словам, сделала крестьян социалистическими и лояльными («превратила крестьян в подлинный и прочный фундамент советской власти»), повысила их культурный уровень и политическое сознание. Похоже, он искренне верил в принцип коммунистической идеологии, что коллективистская жизнь в колхозе напрямую изменяет индивидуалистический мелкобуржуазный менталитет, который марксисты приписывали крестьянам. Другим аргументом Енукидзе стал рост пролетарских элементов в деревне в результате внедрения машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов, что привело к советизации села. Вдохновленный коллективизацией и социальными изменениями, он предложил, во-первых, организацию избирателей в селах на будущих выборах по трудовому (бригада, колхоз), а не по территориальному принципу (село) и, во-вторых, равное представительство рабочих и сельских жителей на выборах советских съездов⁵¹. Он приложил проект постановления ЦИК, который включал предложения по внесению изменений в действующую конституцию.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.
В связи с охватом колхозами 65 % крестьянского населения Союза

---

⁵⁰ Хлевнюк О. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 252–256.

⁵¹ Согласно предыдущей конституции 1924 года, один делегат представлял 25 000 рабочих и один делегат – 125 000 крестьян. В течение 1920-х годов крестьянство настойчиво требовало равенства.

ССР и значительным организационно-хозяйственным укреплением колхозов, превратившим колхозников в действительную и прочную опору советской власти, учитывая огромный рост культурности сельского населения, и большой рост рабочей прослойки деревни (рабочие совхозов, МТС, добывающей промышленности и т.д.) Центр[альный] Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет...

4. В соответствии с настоящим постановлением внести изменения в Конституцию Союза ССР и союзных республик⁵².

Таким образом, решающим мотивом для инициативы Енукидзе стали преобразования в сельском хозяйстве. Это видение разделяли и другие высокопоставленные чиновники, как видно из различных документов, например, из секретной инструкции ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 года, за две недели до записки Енукидзе, подписанной Сталиным и Молотовым с приказом прекратить массовые репрессии в деревне: «Эти три года борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне, к окончательному укреплению наших советских социалистических позиций в деревне»⁵³. Это видение нового состояния села вызвало решение ЦК 1934 года о пересмотре колхозного устава от 1930 года. Новая версия была принята в 1935 году.

Записка Енукидзе не привела к каким-либо немедленным последствиям. В течение года, с мая 1933 года по май 1934 года, идея внесения изменений в закон о выборах не получила развития. В выступлении на XVII съезде партии в январе 1934 года о будущих выборах в советы Енукидзе повторил свою оценку изменений после коллективизации – роста организованности и культуры крестьянства, роста пролетарских элементов на селе, но уже не связал эти изменения с необходимостью избирательной реформы и лишь выразил уверенность, что выборы осенью будут успешными⁵⁴.

---

⁵² РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–21, 22–4.

⁵³ Общество и власть. Российская провинция. Т. 2. С. 152.

⁵⁴ XVII Съезд ВКП(б). Стенограммы. 28 января 1934 // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/dokum/1934vkpb17/5_2.php.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.